

„Кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ (Мѡ. 13, 3)“¹⁾. Конечно, кто имѣлъ уши, тотъ слышалъ, поелику голосъ этотъ по милосердію Его проникъ до слуха всѣхъ. Но (только) нѣкоторые слушатели по причинѣ (присущей имъ) свободы начинаютъ послѣ этого голоса наблюдать за своими пожеланіями. А есть и такіе, кои наблюдаютъ за ними, но не дѣлаютъ (еще) вслѣдствіе этого то, что требуется отъ ихъ внимательности (къ себѣ). Сокрылъ во плоти то, что трудно было видѣть глазами, а то, что легко усматривалось мыслью, показалъ открыто. Видѣть Его глазами было трудно ¹⁾, не слышать Его ученіе было легко. Не за то, что не усмотрѣли Его Божества, они наказаны, а за то, что не приняли словъ Его Божества. Итакъ, есть такія слова, которыя (хотя) посѣваются въ слушателей, но корни ихъ бываютъ безплодны, и есть такія, которыя производятъ корни съ плодами. Три зерна упали въ трехъ слушателей, и не принесли плода. „Вотъ вышелъ сѣятель сѣять сѣмя; и когда сѣялъ, иное упало на мѣста каменистыя, иное упало среди терніевъ и иное упало на землю добрую (Мѡ. 13, 3–8)“²⁾. Хотя сѣятель одинъ и земля, производящая корни, (тоже) одна, тѣмъ не менѣе (при сѣяніи) открылись четыре (разныхъ) случая, и одинъ (только) послѣдній оказался добрымъ и плодоноснымъ. (Далѣе), такъ какъ земля по своей природѣ и производительности была одинакова, и святое сѣмя приняла изъ святыхъ рукъ, то почему оказались три (различныхъ) случая, когда сѣмя произросло, и почему (одно сѣмя принесло) плодъ въ тридцать кратъ, а (другое) въ шестьдесятъ, и почему тому, кто имѣетъ, дано будетъ? Потомъ, зачѣмъ (сѣятель) сѣялъ

¹⁾ Т. е. видѣть Его, какъ Бога, или видѣть Его Божество было трудно.

при дорогѣ, гдѣ растоптанное сѣмя собрали птицы, и зачѣмъ сѣятель посѣялъ сѣмя свое на землю каменистую? Сѣятель былъ одинъ и сѣмя свое сѣялъ одинаково и безъ принаровленія (къ почвѣ), но каждая земля по своему свойству проявила сѣмя въ своихъ плодахъ. Итакъ, сими словами Господь ясно научилъ, что Его Евангеліе ни одного свободнаго человѣка не принуждаетъ силой къ тому, чтобы дѣлаться праведникомъ, и что бесплодные слушатели также не лишены посѣва святыхъ Его словъ.

„Упавшее при дорогѣ“ (сѣмя) подобно тѣмъ душамъ, кои неправо отвергають сѣмя, какъ и тотъ (рабъ), который получилъ одинъ талантъ и оказалъ пренебреженіе къ благому его Подателю (Мѣ. 25, 14—24). И такъ какъ эта земля не хотѣла принять сѣмени Его, то всѣ лукавые прохожіе потоптали его; посему въ ней не было мѣста для наставника и учителя, дабы онъ, подобно земледѣльцу, пришелъ вспахать грубую ея почву и посѣять въ ней новыя сѣмена. Діавола же сравнилъ съ птицами, потому что онъ похищаетъ сѣмя. Симъ мѣстомъ показываетъ также и то, что діаволъ не отнимаетъ насильно изъ сердца ученіе, преподаваемое человѣку; потому что, согласно подобію, какимъ (Господь) воспользовался (здѣсь), голосъ Евангелія остановился только у вратъ слуха ¹⁾, какъ и зерно пшеничное осталось на поверхности той земли, которая не восприняла въ лоно свое сѣмянъ, брошенныхъ на нее; вѣдь, птицамъ невозможно добраться до сѣмени, которое земля скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ. „А то, — говоритъ, — которое было на каменистыхъ мѣстахъ“, — чѣмъ Благій показываетъ милосердіе и благодать Свою, ибо, хотя

1) Т. е. такого человѣка, который отвергаетъ сѣмя Слова Божія.

эта твердая земля не приносила плодовъ, однако сѣмени (Своего) Онъ не лишилъ ее. Эта земля означаетъ тѣхъ, кои удалились отъ ученія Его, какъ сказано: *жестокое слово Твое, кто можетъ слушать его* (Иоан. 6, 61)? Такъ и Іуда слышалъ слово Господа и прославился своими чудесами ¹⁾, но во время искушенія оказался безъ плода.

Земля же, усѣянная терніемъ, хотя приняла сѣмя, (однако) силы свои отдала только тернію и волчцамъ; симъ Учитель опять показалъ любовь Свою, поелику охотно бросилъ сѣмя Свое въ землю, которая несла на себѣ иной трудъ ²⁾. Хотя въ этой землѣ преобладало терніе, однако, дабы она осталась безъ оправданія, также и въ нее обильно разсѣялъ сѣмя Свое. Одинъ богачъ съ радостью пришелъ къ Господу и сказалъ: *„все это я сдѣлалъ отъ юности моей“*. Тогда Господь, дабы привести его къ святости, далъ ему чистое сѣмя, говоря: *„если хочешь быть совершеннымъ, иди продай все, что имѣешь (Мѣ. 19, 20)“*. Онъ (же), видя, что къ нему приблизилось совершенное сѣмя, дабы освободить его отъ всѣхъ подавляющихъ его терніевъ, опечалился за богатство свое, которое и было тѣми подавляющими его терніями.

„Земля же добрая и плодоносная“ означаетъ такіа души, которыя преданы истинѣ и подражаютъ тѣмъ, кои по призыву (Его), все оставивши, послѣдовали за Нимъ (Мѣ. 19, 27). *„Плодъ же въ тридцать кратъ, въ шестьдесятъ и сто“* указываетъ на теченіе жизни въ дѣтствѣ, юности и старости. Хотя земля одна и сѣмя одинаково, однако Господь такимъ образомъ вычисляетъ разный плодъ сообразно съ продол-

¹⁾ Матѣ. 10, 1, 4,—Марк. 3, 15, 19,—Лук. 9, 1, 6, 10 ср. 10, 17—20.

²⁾ Т. е. питала терніе и волцы.

жительностью времени, поелику также и въ плодахъ одинъ превосходить другаго. Но благой Богъ показалъ милосердіе Свое, потому что, когда явились за полученіемъ награды, то послѣдніе получили равную съ первыми награду (Мѡ. 20, 1—16).

Далѣе, земля была добрая и плодоносная, ибо хотя благая воля, принявшая съ радостью сѣмена добра, была одинакова, однако принесла различный плодъ въ тридцать, шестьдесятъ и сто кратъ. Сими словами научаешь, что всѣ части земли по своей мощи произвели свой плодъ и по своей силѣ съ радостью принесли приращеніе, какъ и тѣ, кои получили пять талантовъ и приобрѣли (вмѣсто ихъ) десять, каждый по своей добродѣтели. Ибо кто приноситъ плодъ во сто кратъ, тотъ оказывается обладающимъ совершеннымъ избраніемъ, поелику принялъ крещеніе смерти въ свидѣтельство Бога. Шестидесятькратный же плодъ приносятъ тѣ, кои, будучи призваны (къ тому), отдали тѣло свое на пытки и мученія за Бога своего, смерти же за Господа своего не достигли, хотя до конца жизни остались добрыми. Въ тридцать же кратъ — это обыкновенный плодъ доброй земли, и онъ обозначаетъ тѣхъ, которые избраны къ религіи Христа и, при отсутствіи преслѣдованій въ ихъ время, увѣнчались добрымъ образомъ своей жизни, какъ увѣнчивается земля плодами своими, хотя при этомъ и не были призваны къ жребію мучениковъ и исповѣдниковъ. А слова: *„самъ не знаетъ, потому что земля сама собою приноситъ плодъ“* (Марк. 4, 27. 27), говоритъ не потому, чтобы не зналъ о томъ, что насадилъ, а потому, что въ этомъ дѣлѣ Своемъ не имѣлъ обремененія.

„Господинъ! не святое-ли сѣмя ты сѣялъ на полѣ твоемъ; откуда же плевелы (Мѡ. 13, 26)?“ И отвѣ-

тиль имъ, что это есть дѣло врага, а не Его собственное дѣло. Если кто изъ насъ хочетъ быть насажденнымъ среди плевеловъ, то спросимъ его¹⁾: если Благодѣтель изъ Своего сѣмени посѣялъ въ той части, которая отъ Него, то въ такомъ случаѣ пусть онъ скажетъ намъ, почему одна часть этого сѣмени была посѣяна Имъ (Самимъ), другая же часть оставлена до слѣдующаго посѣва? Если же посѣялъ въ части діавола, то въ такомъ случаѣ Благодѣтель посѣялъ среди плевелъ или жатва принадлежитъ діаволу²⁾.

„Еще царство (небесное) подобно зерну горчичному, которое меньше всѣхъ сѣмянъ (Мѡ. 13, 31. 32)“. Сіе сказалъ о незначительномъ началѣ проповѣди, какъ и тамъ: „не бойся, малое стадо (Лк. 12, 32)“. „А если прозябнетъ, то вырастетъ и становится деревомъ и бываетъ больше всѣхъ злаковъ (Мѡ. 13, 32)“, — такъ какъ Евангеліе Его воцарилось до концовъ земли. „Во всю землю, — говоритъ, — прошелъ звукъ вѣщанія ихъ (Ис. 18, 4)“. „И прилетаютъ птицы небесныя и живутъ на вѣтвяхъ его (Мѡ. 13, 32)“, т. е. обремененные язычники обрѣтаютъ покой въ вѣрѣ. „При-

¹⁾ т. е. если кто намѣренъ перейти отъ насъ къ еретикамъ, то мы спросимъ и т. д.

²⁾ Смыслъ приведенныхъ разсужденій св. отца, по-видимому, таковъ: если благой Богъ посѣялъ на полѣ Своемъ одно и тоже сѣмя, и именно, пшеницу, то почему Онъ одну часть сѣмени посѣялъ ранѣе, а другую позже? То есть, почему сначала, чрезъ Христа и Апостоловъ, возвѣстилъ міру одно ученіе, а потомъ далъ другое, проповѣдуемое еретиками? Развѣ одно сѣмя нуждается во многократныхъ посѣвахъ? Значитъ, уже одно то, что еретики явились послѣ сѣянія, показываетъ, что они возникли не изъ того сѣмени, которое Богъ посѣялъ въ мірѣ чрезъ Христа и Апостоловъ. Если же еретичество не захотятъ допустить, что Богъ посѣялъ ихъ новымъ ученіемъ тамъ, гдѣ уже сѣяли Апостолы, то должны будутъ согласиться, что Онъ сѣялъ не въ Своемъ удѣлѣ, а въ удѣлѣ діавола, то есть, среди плевелъ, или должны будутъ утверждать, что жатва новыхъ учевій родилась не отъ сѣмени Божія, но отъ сѣмени діавола.

дите,—говорить,—*ко Мнѣ всѣ обремененные* (Мѡ. 11, 28)¹. Если бы Господь не родился отъ Дѣвы и не произошелъ отъ Дѣвы и если бы не пострадалъ, то можно было бы сравнить душу Его съ птицей, которая прилетаетъ съ неба, и сказать, что вмѣстѣ съ нею оттуда же и явилось и тѣло Его. Но Господь, дабы сдѣлать яснымъ и несомнѣннымъ, что Онъ воспринялъ тѣло, сравнилъ душу Свою¹) съ зерномъ (горчичнымъ), которое посеяно въ землѣ и изъ земли заимствовало себѣ тѣло, въ коемъ укрылась птица. Ибо Іоаннъ Креститель свидѣтельствуешь: „я видѣлъ Духа въ тѣлесномъ подобіи голубя, сошедшаго и опочившаго на Немъ (Іоан. 1, 32)²“).

Еще сравнилъ царство небесное съ *закваской* (Мѡ. 13, 33), которая влагается въ муку, такъ какъ закваска производитъ то, что мука не замѣтно становится подобною ей. Вѣдь закваска не вдругъ овладѣваетъ массой, но своею внутренней силой преобразуетъ ее сообразно себѣ; такъ и Евангеліе Христа. Закваска въ массѣ обозначаетъ собой также и тѣло Господа (по его значенію) въ потомствѣ Адама.

Еще говоритъ: „*подобно (царство небесное) неводу, закинутому въ море и собравшему рыбъ всякаго рода* (Мѡ. 13, 47)³“. Когда говоритъ: „*всякаго рода*“, понимай (это въ смыслѣ) всякаго языка. Но послѣ этого собиранія рыбъ изъ моря, то есть, отъ этой земли, предстоитъ еще другой выборъ, который страшенъ и трепетенъ. И приходятъ къ вытащенному (на берегъ) неводу, дабы хорошее присоединить къ

1) Иначе; Самого Себя.

2) То есть, какъ сѣмя горчичное, посеянное въ землю, изъ нея образуетъ свои корни и вѣтви и становится деревомъ, на которомъ укрываются птицы, такъ и душа Христа изъ тѣла Дѣвы приняла свое тѣло, на коемъ при крещеніи опочилъ Духъ Святой.

хорошему, а худое выбросить вонъ (Мѡ. 13, 48). Рыбы, кои попали въ неводъ Его, суть люди, вѣрующіе въ Него. „Добрыя“ суть тѣ, кои отъ начала пребыли въ Евангеліи Его; „злыя“ же-тѣ, коихъ церковь по причинѣ невѣрности ихъ изгоняетъ и выбрасываетъ изъ среды (своей).

„Посему пришелъ въ отечество Свое и училъ ихъ въ синагогахъ ихъ (Мѡ. 13, 54)“.

Развѣ не было другаго народа или другой страны, кромѣ іудейской? Но сіе написано для того, чтобы обличить и подвергнуть порицанію лживыхъ маркіонитовъ¹⁾. „Послѣ сего,—говоритъ,—вошелъ по обычаю Своему въ синагогу ихъ въ день субботній (Лк. 4, 16)“.

Но²⁾ какой же могъ быть обычай у того, кто тогда (еще въ первый разъ) являлся? Вѣдь, только что пришелъ въ Галилею. И не началъ учить внѣ синагоги, но въ синагогѣ. Потому что изъ богослуженія ихъ обнаруживается, что бесѣдовалъ съ ними о Богѣ ихъ; иначе надлежало бы Ему проповѣдовать внѣ синагогъ. Вошелъ въ Вилсаиду къ іудеямъ и ничего инаго изъ того, что говорили Ему, не высказалъ, кромѣ только этого: „врачъ, исцѣли Самого Себя (Лк. 4, 23)“.

И взяли Его и повели вонъ на вершину горы. Невѣроятно, чтобы (только) это слово Христа возбудило ихъ къ (таковому) гнѣву³⁾. Но

1) Именно этими словами показывается, что Христосъ имѣлъ отечество и былъ истиннымъ человѣкомъ.

2) Съ этого мѣста начинается разсужденіе Маркіона.

3) Значитъ, Маркіонъ утверждалъ, что гнѣвъ іудеевъ, о которомъ говорится у Лк. 4, 16, будетъ совсѣмъ непонятенъ, если не допускать, что Христосъ говорилъ іудеямъ о Творцѣ міра, который, по ученію Маркіона, былъ Богомъ іудейскимъ и отличался отъ высшаго благаго Бога. Въ нижеслѣдующемъ св. Ефремъ отвѣчаетъ на это: если гнѣвъ іудеевъ на Христа былъ вызванъ Его ученіемъ о Творцѣ міра, то почему Евангелисты не упоминаютъ ни объ одномъ другомъ случаѣ подобнаго же рода? Со своей стороны св. отецъ объясняетъ гнѣвъ іудеевъ ненавистію, какую они пи-

если ¹⁾ бесѣдовалъ съ ними о Творцѣ (міра) и вслѣдствіе этого они дали Ему такой отвѣтъ и вывели Его съ цѣлію низвергнуть, то почему въ другомъ мѣстѣ Евангелистъ не указываетъ такового (же)? А что граждане ненавидѣли Его, объ этомъ свидѣлствуютъ Его слова: „*пророкъ не принимается въ отечество* (Лк. 4, 24)“.

Не принялъ ни Анаѳоѳъ Іеремію (Іер. 1, 1 ср. 11, 21—23), ни Ѳесва Ілію (3 Ц. 17, 1 сл.), ни Авель-Махола Елизея (3 Ц. 19, 16), ни Рама Самуила (1 Ц. 7, 17; 8, 4 сл.), и не принялъ ни народъ Моисея, ни Израиль Господа. Посему Ілія презрѣлъ женъ ихъ (3 Ц. 17, 10—24), а Елисей—мужей ихъ (4 Ц. 5, 1—14²⁾). Такъ и Христосъ назвалъ іудеевъ невѣрующими для посрамленія ихъ и сиріянъ почтилъ болѣе, чѣмъ ихъ; посему и исполнились гнѣва. Но это было ничто иное какъ предлогъ. „*Врачи,—говорять,—исцѣли Самого Себя*“, то есть, Самъ спасись отъ насъ, прежде чѣмъ спасать насъ. Хотя нуждались въ исцѣленіи, однако вслѣдствіи ихъ невѣрія исцѣлить ихъ не могъ. По произволенію своему низвергли Его, по Божеству Своему Онъ не упалъ (Лк. 4, 30). Когда воля (ихъ) хотѣла свергнуть Его, воздухъ покорно поддержалъ Его крыльями своими. Не упалъ, дабы хотя такимъ образомъ научить невѣрующихъ вѣрѣ. Можетъ быть, посему (Евангелистъ и) говоритъ: „*приняли Его галилеяне* (Іоан. 4, 45)“. Когда увидѣли то, что сдѣлалъ Онъ среди нихъ, то никто не осмѣлился предпринять

тали ко Христу по слову пророка: „ни оданъ пророкъ не принимается въ отечество свое“.—Замѣна „Назарета“ „Виссадой“ принадлежитъ Маркіону, а не св. Ефрему, который ниже ведетъ рѣчь о Назаретѣ.

¹⁾ Отсюда начинается отвѣтъ св. Ефрема на слова Маркіона.

²⁾ То есть, Ілія оказалъ помощь не женщинамъ іудейскимъ, но вдовѣ Сарептской, и Елисей помогъ не мужамъ іудейскимъ, а Несману Сиріянину.

что-либо противъ Его. Поселику это было первое исцѣленіе, то десница Его была ослаблена¹⁾; ибо по этой причинѣ жители города Назарета были возбуждены ревностью на Него, подѣ дѣйствіемъ князя шуйцы, завидовавшаго исцѣленію той десницы, которая возлагается или отнимается въ торжественныхъ таинствахъ смотря потому, какъ Божество прилагаетъ ее къ разнаго рода потребностямъ.

„Пророкъ въ отечествѣ своемъ“, то есть, среди народа своего, „не принимается“. Илія былъ изъ города Ѳесвы, и не сказано, чтобы его не принялъ городъ Ѳесва, но весь Израиль. Кто отрицаетъ это, тотъ пусть покажетъ намъ, когда Ѳесвитяне преслѣдовали его, а Израильтяне приняли его. Вѣдь, по свидѣтельству Писанія, кто принялъ его? Одна только вдова въ языческой Сарептѣ. „Много было вдовъ“, не въ городѣ Ѳесвѣ, но „въ дому Израиля, и ни къ одной изъ нихъ не былъ посланъ (Лк. 4, 25. 26)“. Подобно сему не сказано: „(много было) прокаженныхъ“ въ городѣ Елисея, но „въ дому Израиля (Лк. 4, 27)“. Итакъ, симъ способомъ утвердилъ, что не въ Назаретѣ, но „въ дому Израиля не могъ совершить ни какой силы“.

Назаретяне же, видя, что Онъ у нихъ отвергаетъ всю землю Израильскую, а язычниковъ чтить неизмѣримо (выше), возстали противъ Него и съ порицаніями вывели (изъ города) и низвергли Его. Ибо воспламенены были ревностью за потомковъ Авраама, говоря: Богъ почтилъ ихъ болѣе всѣхъ язычниковъ. Итакъ, бесѣдуя въ Назаретѣ, Господь предложилъ два примѣра²⁾, которые показываютъ

¹⁾ Т. е. невѣріемъ іудеевъ,

²⁾ Именно: въ лицѣ назаретянъ примѣръ іудеевъ, не принимающихъ пророковъ, а въ лицѣ Сарептской вдовы и Неемана примѣръ язычниковъ,

различіе между народомъ Израильскимъ и язычниками. Подобнымъ образомъ, посредствомъ храма, о коемъ говорилъ, показалъ иной храмъ, именно: тѣло Свое (Іоан. 2, 19), и посредствомъ полей въ Самаріи указалъ на жатву людей (Іоан. 4, 35—38). Ибо весь народъ былъ въ родствѣ съ пророкомъ, о которомъ сказалъ Христосъ, и (все) племя было братственно ему¹⁾.

Почтилъ сотника и удивился ему (Мѡ. 8, 10), почтилъ Сиро-финикіянку и изумился ей (Марк. 7, 26). Сотника почтилъ, какъ Неемана, а Сирофиникіянку, какъ вдову Сарептскую. Илія убѣждалъ къ язычникамъ, но Господь запретилъ Своимъ ученикамъ привѣтствовать язычниковъ (Мѡ. 10, 5). И Сирофиникіянку Господь сурово принялъ, и чрезъ это показалъ и научилъ, что исцѣленіе впослѣдствіи перейдетъ къ язычникамъ. Далѣе, допустилъ, чтобы Его низвергли, такъ какъ сатана думалъ, что Господь изъ страха не бросился внизъ, съ крыла храма (Мѡ. 4, 5). Поелику же Господь, будучи низверженъ, не упалъ, то сатана палъ отъ своей власти. Подобно сему, не сдѣлалъ и камня хлѣбомъ, чтобы не исполнять желанія грѣшника (Мѡ. 4, 3), ибо подобное сдѣлалъ же въ пустынь на хлѣбѣ и въ Канѣ Галилейской на винѣ.

„*Повели принести голову Іоанна Крестителя* (Мѡ. 14, 8)“. О, Иродъ! что творишь? Не давай праведной головы ребру²⁾ грѣшному. Но кто Адама побѣдилъ

кои приняли пророка. Значитъ, посредствомъ назаретянъ Господь означилъ всѣхъ іудеевъ, а посредствомъ Сарептской вдовы и Неемана всѣхъ язычниковъ, какъ чрезъ храмъ обозначилъ тѣло Свое и чрезъ бѣлѣющія поля Самаріи жатву людей.

¹⁾ Связь этихъ послѣднихъ словъ съ предыдущимъ такова: въ лицѣ назаретянъ Христосъ представилъ примѣръ іудеевъ, потому что не назаретяне только, но и всѣ іудеи были соплеменны пророку.

²⁾ То есть, женщинѣ, созданной изъ ребра Адамова.

посредствомъ ребра, съ коимъ онъ былъ связанъ супружествомъ, тотъ и Ирода побѣдилъ ребромъ, связаннымъ съ нимъ связью супружества. И вотъ глава, положенная, какъ свѣтильникъ, на блюдо, свѣтитъ во всѣ роды и обличаетъ любодѣяніе челоуѣкоубійць. Уста его сдѣлали нѣмыми, дабы больше не говорили, но проповѣдь молчанія ихъ горитъ сильнѣе, чѣмъ (проповѣдь) голоса. И говорятъ, что, когда плясала дочь Иродіады, Иродъ и Иродіада измышляли козни, дабы тотъ поклялся, а эта потребовала (этого).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Господь въ пустынѣ умножилъ хлѣбы и въ Канѣ превратилъ воду въ вино. Къ хлѣбу и вину Своему приучилъ и приспособилъ ихъ уста, пока не пришло время, когда далъ имъ для вкушенія кровь и плоть Свою. Питалъ ихъ наслажденіемъ преходящаго хлѣба и вина, дабы привести ихъ къ усладѣ животоворящаго Своего тѣла и крови. Вещи маленькія далъ имъ безъ платы, чтобы узнали, что дары благодати Его тѣмъ болѣе подаются даромъ. Что могли получить отъ Него за плату, то далъ имъ даромъ, равно какъ и то, что желали (т. е. должны бы были, но не могли) получить отъ Него за плату, не далъ имъ за плату, дабы знали, что Онъ не требуетъ отъ нихъ платы. Поелику плату за хлѣбъ и вино, которую могли дать, давать были не должны, то плату за тѣло и кровь и дать, конечно, не могли. Но не только далъ намъ даромъ. но и нѣкую хитрость употребилъ для привлеченія насъ. Вѣдь, такія маленькія вещи далъ намъ даромъ для того, чтобы побудить насъ идти и получать безъ всякой платы то, что превосходнѣе (ихъ). Тѣ крохи хлѣба и вина,

какія далъ, были сладки для гортани, но даръ тѣла и крови полезенъ былъ для умовъ. Посредствомъ того, что сладко для гортани, возбудилъ насъ, дабы привлечь насъ къ тому, что животворить души. Ради этого къ вину, которое сдѣлалъ, примѣшалъ сладость, чтобы показать, сколь великія сокровища скрывались въ Его животворящей крови.

Въ началѣ Своихъ чудесъ сдѣлалъ для гостей вино, которое веселитъ, дабы дать знать, что кровь Его исполнитъ веселіемъ всѣ роды язычниковъ. Всѣ, какія существуютъ, радости соединены съ виномъ, и всякое, какое только есть, спасеніе связано съ таинствомъ крови Его. Далъ вино сладкое, которое измѣняетъ сердца, дабы показать, что напоить ихъ ученіемъ, измѣняющимъ сердца. Что ранѣе было водою, то измѣнилъ въ водоносахъ въ вино, такъ и древнiю заповѣдь измѣнилъ въ совершенство. Воды обратилъ въ (вещество) болѣе превосходное и законъ возвелъ къ совершенству. Туже самую воду пили гости, но (уже) не какъ воду пили ее: такъ и мы хотя прежній законъ слышимъ, однако вкушаемъ его какъ бы въ концѣ (достигшимъ совершенства). Послѣ сего щеку со щекой соединилъ ¹⁾, именно, если мы дѣлаемъ то, что совершенно, какъ сказалъ: „если кто ударилъ тебя въ щеку, подставь ему и другую (Мѡ. 5, 39)“.

Но размотри творческую силу Его, простирающуюся на все. Господь взялъ немного хлѣба и во мгновеніе ока умножилъ. Что люди дѣлаютъ тяжелымъ трудомъ въ теченіи десяти мѣсяцевъ, то десять Его пальцевъ внезапно сдѣлали. Подложилъ руку подъ хлѣбъ, какъ бы землю, и, подобно грому, про-

¹⁾ Ср. выше, толкованіе на Мѡ. 5, 39, стр. 92.

говорилъ надъ ними. Движеніе губъ Своихъ, какъ дождь, разсѣялъ надъ ними, и согрѣвающее дыханіе устъ Его заняло мѣсто солнца, и (такимъ образомъ) въ (одно) мгновеніе времени совершилъ и произвелъ то, что всякій другой дѣлаетъ въ теченіи долгаго времени. Итакъ, хлѣбъ, не смотря на свою малочисленность, изъ этой (самой) малочисленности породилъ множество, чтобы оказаться въ соотвѣтствіи съ Тѣмъ, Кто первый благословилъ и сказалъ: „*растите и умножайтесь и наполняйте землю* (Быт. 1, 28)“. Вѣдь, эти безквасные хлѣбы, подобно женщинамъ неплоднымъ и лишеннымъ дѣтей, по благословенію Его, проросли и умножились двѣнадцатью коробами остатковъ, кои родились изъ нихъ.

Далѣе, словомъ Своимъ Христосъ показалъ силу могущества (Своего) тѣмъ, коимъ далъ заповѣдь, и быстрое дѣйствіе даровъ своихъ тѣмъ, кои получали ихъ. Однако, не настолько умножилъ хлѣбы, насколько могъ, но насколько ядушіе могли съѣсть. Ибо чудеса Онъ соизмѣрялъ не съ силою Своей, а съ потребностями алчущихъ. Вѣдь, если бы чудеса (Свои) соразмѣрилъ съ могуществомъ Своимъ, то никто не могъ бы исчислить, сколь великую побѣду принесла бы сила Его. (Чудотворное) Его искусство было соразмѣрено съ голодомъ тѣхъ тысячъ людей, который оно превзошло числомъ двѣнадцати коробовъ ¹⁾. У всѣхъ художниковъ потребность нуждающихся больше, чѣмъ ихъ (собственное) могущество, потому что художники не могутъ сдѣлать столько, сколько желаютъ нуждающіеся. Но дѣло Христа превзошло потребности. Еще сказалъ: „*соберите остатки вечери* (Іоан. 6, 12)“, чтобы ничего

¹⁾ Т. е. Чудо Господа не только насытило всѣхъ голодающихъ, но и дало сверхъ того двѣнадцать коробовъ остатковъ.

изъ нихъ не пропало, и дабы не думали, что Онъ по видимости только сдѣлалъ это. Вѣдь, такъ какъ остатки сохранялись на другой и слѣдующій день, то они убѣдились, что Господь истинно сдѣлалъ это, а не пустое видѣніе произошло.

Когда насытились и увидѣли, что какъ Моисей молитвами своими, такъ и Господь могуществомъ Своимъ доставилъ народу пищу, то начали восклицать и говорить: „это истинно тотъ пророкъ, о которомъ сказано, что ему должно прійти въ міръ (Іоан. 6, 14)“; сими словами они приводили прореченіе Моисея: „пророка воздвигнетъ вамъ Господь (Вт. 18, 18)“, не какого-нибудь немощнаго, но миѣ подобнаго, который насытитъ васъ хлѣбами въ пустынѣ. „Мнѣ подобнаго“, — говоритъ (Моисей). По морю ходилъ, въ облакѣ открылся, церковь Свою освободилъ отъ закона обрѣзанія и Іоанна дѣвственника поставилъ вождемъ Божиимъ вмѣсто Іисуса, сына Навинова, и отдалъ ему Марію, церковь Свою, какъ и Моисей отдалъ народъ Іисусу, дабы исполнилось то, что сказано: „мнѣ подобнаго“.

„А когда наступилъ вечеръ, встали ученики и вошли въ лодку, чтобы ѣхать въ Капернаумъ. Господь же возшелъ на гору, чтобы помолиться наединѣ (Мт. 14, 22, 23)“. „Вотъ, — говоритъ, — на горахъ стопы благовѣстника (Наум. 1, 15)“. Кто этотъ (благовѣстникъ), (это) изъясняетъ самъ (пророкъ), добавляя: „благовѣствующаго міръ“. Кому? — язычникамъ. „Сказалъ, — говоритъ, — міръ народамъ (Зах. 9, 10)“. „Празднуй, коленно Іудино, ежегодный праздникъ твой (Наум. 1, 15)“, ибо во время праздника опрѣсноковъ Господь сдѣлалъ знаменіе на хлѣбахъ. Пророкъ говоритъ: „празднуй, Іуда, ежегодный праздникъ твой“, поелику наступилъ ежегодный праздникъ нашъ. „И исполняй

обитъ твой“, поелику пришелъ истинный агнецъ и древній союзъ отмѣненъ и достопамятности его упразднены. „*Такъ какъ уже не будетъ больше совершать беззаконіе въ тебѣ* (Наум. 1, 15)“. Кто?—власть царей или священниковъ. Почему не будетъ? Потому что Господь уничтожилъ ее. „*Всякую власть царя и священника погубляетъ*“.

Итакъ, когда сѣли въ лодку и подверглись въ ней дѣйствию вѣтра и волнующееся море поднялось на нихъ, (тогда) пришелъ Господь и явился имъ, они же думали, что то, что явилось имъ, есть призракъ. Ибо точно знали, что Христось облеченъ былъ тѣломъ, которое подчинено закону тяжести, и посему имъ пришло на мысль, что тяжелое тѣло ходить по водамъ не можетъ. Поелику это было (на самомъ дѣлѣ) такъ, то они встревожились не безразсудно. Но если Исусъ,—какъ ты, Маркіонъ, говоришь,—не былъ облеченъ тѣломъ ¹⁾, то неразумно было удивляться тому, что Онъ ходилъ по водамъ; вѣдь, для духа не трудно ходить по морю. Значить, почему они удивились? Если знали, что Онъ безтѣлесенъ, то безразсудно удивились и глупо закричали; если же былъ тѣлесенъ, то справедливо встревожились, потому что увидѣли нѣчто новое, именно, тѣлеснаго (человѣка), ходящаго по волнамъ моря, не погружаясь (въ нихъ). Если возразятъ, что Онъ не могъ быть видимъ, такъ какъ была ночь, то отвѣчаемъ, что въ этомъ не было никакой трудности для духовнаго Христа ²⁾, который, когда восхотѣлъ, открылся на горѣ, какъ солнце. И поелику Самъ Господь зналъ, что они справедливо встревожились,

¹⁾ Ср. Ирин. Пр. ерес. 1. 27. 2 (ed. Stieren, p. 257) и Терт. De carne Chr. 1—2 (ed. Oehler, 2, 425 sq).

²⁾ Т. е. для Христа какъ Богочеловѣка.

то укрѣпилъ духъ ихъ говоря: „это—Я, не бойтесь (Мѳ. 14, 27)“, то есть, это—Я, обладающій тѣломъ, какого вы знаете.

Симонъ же, понимая, что слова: „это — Я“, Онъ сказалъ о тѣлѣ Своемъ, отвѣтилъ и сказалъ „если это дѣйствительно такъ, то вотъ и я также облеченъ плотью. Если и я также пойду по водамъ, то узнаю тогда, что ты ходишь по нимъ тѣмъ самымъ тѣломъ, которое, какъ я знаю, Ты имѣешь“. И когда сошелъ (съ лодки), чтобы идти по морю, и сталъ тонуть, то не отвергъ Христа, потому что Христосъ не сказалъ ему: невѣрный, но: „маловѣрный (Мѳ. 14, 31)“. Море же подняло Христа и носило на волнахъ своихъ и такимъ образомъ обозначило путь, какой Господь приготовилъ Апостоламъ въ Своихъ странахъ, и такъ исполнились слова Писанія: „Ты господствуешь надъ силою моря и движеніе теченій его Ты укрощаешь (Ис. 88, 10)“. „Когда явился Господь и вошелъ съ Петромъ въ лодку, то вътеръ пересталъ и утихъ (Мѳ. 14, 32)“. Арій, противорѣчащій рождству Христову изъ Отца, также обличается словомъ, какое сказано было въ этой лодкѣ: „плывущіе (въ лодкѣ) подошли къ Господу и стали поклониться Ему и говорить: истинно Ты—Сынъ Божій (Мѳ. 14, 33)“. Это согласуется съ тѣмъ, что написано о Немъ: „увидѣли Тебя воды и убоялись, и бездны смутились, и сланды Твои не открываются (Ис. 76, 17. 20)“. Итакъ, сими словами Апостолы исповѣдали, что Онъ есть истинно Тотъ Сынъ Божій, о Которомъ все это было сказано.

„Какое знаменіе сдѣлаешь, чтобы мы видѣли и увѣровали въ Тебя (Іоан. 6, 30)“. И вотъ, много знаменій Господь показалъ имъ. Но такъ какъ они желали одного, то презрѣли (все) остальное, что сдѣ-